

лических красках, которыми рисовали его придворные великокняжеские летописцы.

Не получил в нашей исторической науке окончательного разрешения и еще один вопрос, поставленный М. Д. Приселковым, — вопрос об организации и непосредственном назначении летописной работы в древней Руси. Объяснялась ли тенденциозность летописца только его политическими симпатиями, сочувствием той или иной стороне или летописец был официальным историографом той или иной духовной или светской власти? По отношению к большинству летописных сводов М. Д. Приселков во всяком случае склонялся ко второму решению этого вопроса. Летопись была, по его мнению, «политическим документом», причем до середины XV в. она была «документом международного значения»: борясь между собой в Золотой Орде, соперники-князья доказывали перед ханами свои права «летописцами»;³² наличие независимого от великокняжеской власти митрополичьего летописания объяснялось тем, что «митрополия всяя Руси» была независима от отдельных (московских, литовских или тверских) великих князей. С середины XV в., после раскола между московской и литовской митрополиями, московские митрополиты попадают в зависимость от московских великих князей; «летописи утрачивают теперь свой былой смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования»;³³ именно поэтому официальное митрополичье летописание становится, по мнению М. Д. Приселкова, с середины XV в. невозможным.³⁴

Этот последний вывод М. Д. Приселкова вызвал возражения в историографии. А. Н. Насонов, исследовавший ряд летописных сводов конца XV—начала XVI в., обнаружил в них (особенно в летописном своде, лежащем в основе Софийской П—Львовской летописи) явные следы близости и сочувствия к митрополичьей кафедре, и конкретно к митрополиту конца XV в. Геронтию, стоявшему в ряде вопросов в оппозиции к великокняжеской власти. А. Н. Насонов видит в этом факте доказательство существования митрополичьего летописания конца XV в.³⁵

Однако характер этого летописания остается в построении А. Н. Насонова все-таки неясным. Была ли обнаруженная им летопись летописью «промитрополичьей», сочувствующей митрополиту (скажем, летописью какого-то монастыря) или это была официальная летопись митрополита? По-видимому, А. Н. Насонов склоняется ко второй точке зрения — он даже специально доказывает неприменимость к митрополичьему летописанию конца XV в. понятия «неофициального» летописания.³⁶ Но могла ли официальная летопись митрополита, «документ международного значения» — по терминологии М. Д. Приселкова, выступать в конце XV в. со столь резкой и непримиримой враждебностью к московскому великому князю всея Руси, какую мы находим в исследованном А. Н. Насоновым своде? Ведь Геронтий не был уже независимой фигурой «международного значения», как митрополиты до середины XV в.; он был обязан поставленным на престол только великому князю (а не константинопольскому патриарху) и не мог открыто выступать против него. Знал ли великий князь, что писалось в «официальной летописи» его митрополита? Для кого она предназначалась? Для того чтобы считать промитрополичий свод

³² Там же, стр. 10.

³³ Там же, стр. 176.

³⁴ Там же, стр. 162—164.

³⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. М., 1930, № 10, стр. 715—716.

³⁶ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания — Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 269.